

Т.А. Богданович

**Соль Вычегородская
(Строгановы)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т11

Т11 **Т.А. Богданович**
Соль Вычегородская (Строгановы) / Т.А. Богданович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 346 с.

ISBN 978-5-519-72489-0

Соль Вычегородская (Строгановы)

ISBN 978-5-519-72489-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тысячу лет назад русские заключили с греками торговый договор. В этом договоре было сказано: русские купцы могут входить в греческий город только через одни определенные ворота, без оружия и не больше пяти — десяти человек сразу. Кроме того их должна была сопровождать греческая охрана.

Зачем была нужна такая осторожность? Неужели греки боялись русских купцов, точно разбойников? Да, так оно и было. В те времена всякий купец был вместе с тем разбойником. Когда он приезжал со своими товарами в хорошо защищенный город, он мирно обменивал товары. Зато в какой-нибудь деревушке купец уже ничего не покупал, не выменивал, а пускал в ход оружие и отбивал товары силой.

Норманские викинги отправлялись на своих лодках в заморские страны и при входе в чужие гавани поднимали на мачте красный щит. Это означало, что они пришли с мирными намерениями и хотят меняться товарами. Но часто во время обмена норманны узнавали, что воевать с ними здесь некому, убрали щит и грабили население. И в том и в другом случае они оставались с прибылью.

В старину торговля вообще не походила на теперешнюю. Что возут сейчас в большие города? — уголь, хлеб, нефть. Что отправляется из города в деревню? — сельскохозяйственные машины, ткани и другие товары, без которых деревня обойтись не может. А тысячу лет на-

зад в каждом хозяйстве выделялось все необходимое. Люди собирали хлеб со своих полей, сами сеяли лен и ткали из него холст, шили обувь из кож своего скота. На сторону они ничего не продавали, да и некому было продавать — соседи тоже обходились своими силами. Даже подати владельцу земли — феодалу крестьяне платили не деньгами, а хлебом, тканями своей выделки, кожами, а иногда грибами и ягодами. В то время купцам не к чему было торговать хлебом, холстом или обувью, — их бы все равно никто не купил.

Купцы привозили из восточных стран шелковые материи, вина, драгоценные камни и пряности — корицу, гвоздику, перец. Эти товары феодалы покупали охотно, потому что не могли получить их от своих крестьян. Мало-по-малу начала расти и торговля сукнами, — феодалы уже не хотели носить холщевое платье, как их крестьяне, а наряжались в дорогие ткани. Покупали они и меха — соболей, куниц, горностаев.

Огромные дремучие леса с бесчисленным количеством всякого зверья покрывали тогда Московию (приблизительно теперешнюю РСФСР). Уже очень давно купцы из Западной Европы вели с русскими большую торговлю — покупали у них пушнину, а кроме того мед, воск, кожу. Вороха собольих, беличьих, горностаевых шкурок свозились в Новгород, а оттуда морем переправлялись на Запад.

Еще непроходимее, еще богаче пушным «красным зверем» была леса на востоке около Уральских гор, и в Сибири. В Новгороде даже рассказывали сказки, что на Урале белки и олениа дождем сыплются с неба. Можно ли упустить такое богатство? И вот новгородские купцы и охотники по Волге и по другим рекам (в те времена только по воде и можно было путешествовать: дорог тогда не было) стали пробираться дальше и дальше к востоку, строили новые города, скупали звериные шкуры у туземцев — вотяков, черемисов, вогулов. Новгородцы ничем не отличались от других тогдашних купцов, — где

можно торговали, где удавалось — и просто грабили. Грабили чаще, — туземцы были слабы и с новгородцами справиться не могли.

Кроме пушнины новгородцы нашли на востоке и соляные источники. Из них можно было выпаривать на огне воду и получать соль. По тому времени соль была одним из самых важных товаров. Даже дикие племена выменивают соль, — она нужна для приготовления пищи, для заготовления мяса впрок, а найти ее можно не везде. Это не хлеб — где посеял, там и растет.

Задымили на Волге соляные варницы, пошли по реке новгородские лодки, груженные пушниной и солью. На соли и на мехах и выросли несметные богатства Строгановых, старого купеческого рода. Впоследствии Строгановы стали богатейшими помещиками царской России, владели целыми губерниями, десятками тысяч крепостных, золотыми приисками. И все это богатство досталось им от прадедов и прапрадедов, которые сумели до нитки обобрать сибирских туземцев, накопить денег на продаже соли.

Началось строгановское дело с небольшого. В 1515 году Аника Строганов построил в Соли Вычегодской соляную варницу. Она дымила рядом с варницами других солеваров и ничем от них не отличалась, — такая же закоптелая низкая избушка с висевшей посредине «цыренью» — железным ящиком, в котором выпаривался соляной раствор. И соли в этом ящике получалось не больше, чем у других, но зато сам Аника был и хитрее, и предприимчивее своих соседей. Давая им деньги в долг, он сумел закабалить их, прибрать к рукам их варницы и стал хозяином всей Соли Вычегодской. О правнуках и праправнуках Аники Строганова и рассказывает Т. Богданович в своем романе «Соль Вычегодская». Т. Богданович показывает, как Строгановы хозяйничали в крае и какой перелом произошел в их хозяйстве в середине XVII века.

К тому времени многое изменилось и на Западе и

в Московии. Старое феодальное хозяйство, когда люди работали только на себя, превратилось в денежное, когда люди производят товары и, продав их, покупают взамен другие предметы, которых у них нет. Феодалы перестали брать с крестьян подати хлебом и ягодами, а требовали больше и больше денег, — не грибами же платить за восточные шелка и пряности. Чтобы добыть денег на уплату податей, крестьянам пришлось продавать все больше и больше продуктов, — купцы, пользуясь случаем, скупали эти продукты и продавали горожанам.

В городах появлялось все больше и больше кузнецов, оружейников, гончаров, портных и других ремесленников. Купец и у них скупал их изделия и перепродавал крестьянам и феодалам. Так через его руки проходили все товары и от каждого к его пальцам прилипала золотая пыль. Накапливая деньги, купец становился страшной силой. Даже феодал брал у него деньги в долг, а ремесленники и крестьяне попадали к нему в кабалу.

На варницах у Строгановых работали уже десятки кабальных холопов, которые не могли выплатить долга и стали рабами, полной собственностью хозяина. Даже их дети оставались в кабале, и Строганов мог истязать и убивать их, не боясь наказания.

Но не одни варницы давали доход. Строгановы добывали железную руду и плавили железо. И в рудниках работали, конечно, холопы, а деньги от продажи металла попадали в купеческие сундуки. Шли доходы и от торговли пушминой. Строгановы уже предпринимали разбойничьи набеги на целые страны, вели настоящие войны. В 1581 году через Уральский хребет переправился вооруженный отряд в полтысячи казаков с атаманом Ермаком во главе — наемное войско Строгановых. Казакам было поручено покорить страну мехов — Сибирь, заставить населявших ее туземцев платить дань пушминой.

Как видите, наследники старого ростовщика Аники стали сильны и богаты. Они уже не ломали шапку пе-

ред боярами, — разве у боярина найдется столько денег, сколько лежит в строгановских подвалах. Разве разорявшиеся бояре могут ссудить царя деньгами, — а Строгановы ссужали не раз. Эти крупные хищники, зажавшие в кулак целую область, совсем не похожи на своих предков, тащившихся на жалких лодченках с жалким грузом мускатных орехов или боченком вина. Соль, меха, железо — вот чем торгуют Строгановы, целые караваны стругов — вот на чем возят они товары.

Но строгановское хозяйство не только увеличилось, — оно изменилось, должно было измениться. Сибирь уже была покорена, туземцы платили пушниной «ясак» московскому царю. Стало быть, грабить, избивать их было уже не к чему. Нужно было не завоевывать новые земли, а из ранее завоеванных получить побольше доходов. Купец-разбойник должен был превратиться в купца-эксплуататора населения.

Это судьба не одних Строгановых. В других странах происходило то же самое. Когда испанцы завоевывали Америку, они тоже начали с открытого разбоя. С оружием в руках нападали они на индейцев, грабили их, отнимали золото и дорогие украшения, жгли целые индейские города. Так была завоевана Америка. Но завоевав ее, испанцы уже не избивали индейцев (это было бесполезно: от мертвецов золота не получишь), а обращали их в рабство и гнали работать на свои золотые рудники, на свои поля.

Но Иван Максимович Строганов, герой романа Т. Богданович, упорно хотел повернуть к прошлому, к тем временам, когда купец не столько торговал, сколько грабил. Разбойничья слава предков не давала Ивану Максимовичу покоя, он во что бы то ни стало хотел сделаться вторым Ермаком и с наемным войском отправился «воевать Самоядь». Но оказалось, завоевывать самоедов было не к чему, — они уже и так платили дань московскому царю. Разбойничьи времена прошли.

На смену Ивану Максимовичу пришел его сын Данила.

более усовершенствованный хищник. Где отец бил кулаком, там сын действовал рублем. Вместо разбойника появился пронырливый, хитрый промышленник-ростовщик. Данила понимал, что раз новых земель завоевать нельзя, то надо обратить внимание на старые, уже завоеванные земли. Он заботился о соляных варницах, о которых его отец совсем не думал. При Иване Максимовиче соль выпаривали плохую, черную, она давала немного дохода. И вот, чтобы повысить доходы от продажи соли, Данила стал выделять ее лучше, выписал мастера-иностранца, не пожалел лишних расходов, — деньги не пропадут.

По-иному обращался Данила и с холопами, которые работали у него на соляных варницах. Старый Строганов совсем не следил за их работой, даже не заглядывал на варницы. Он не обращал на холопов никакого внимания, не считал их за людей и со звериной жестокостью забивал насмерть даже за малые провинности. Жестокость осталась и у молодого Строганова, но приняла совсем другой характер. Это — расчетливая жестокость промышленника, который выкачивает из рабочих все силы, лишь бы они добыли побольше соли. Пускай они мрут как мухи, гибнут на каторжной работе, — лишь бы днем и ночью дымили варницы, больше кулей соли грузилось в лодки.

А на место не вынесших тяжкой работы холопов найдутся новые, — Данила позаботится о том, чтобы у него были рабочие руки. Он по всей области раскинул паучью сеть, раздавал деньги в долг бедным крестьянам, а когда они не могли уплатить в срок, Данила закабалял их и гнал работать на соляные варницы.

Лучше ли стало жить холопам от того, что Данила улучшил свое хозяйство? Нет, не лучше, а даже хуже. Непосильная работа с утра до вечера, без отдыха, впроголодь, без надежды на избавление, а впереди болезни и смерть, — вот что дал холопам Данила. И потому в борьбу Ивана Максимовича с сыном вмешался третий

противник. Он одинаково страшен и для старого Строганова и для молодого. Это Орёлка, строптивый холоп с изъеденными солью руками, смутьян, поднимающий бунт на варницах. У Орёлки была одна дорога — бежать к вольным казакам и громить боярские и купеческие усадьбы, — освободить всех холопов он не мог. Даже мятеж Степана Тимофеевича Разина, вскоре охвативший всю Волгу, был подавлен дворянской и купеческой Москвой.

После бунта Орёлки прошло три века, пока вырос рабочий класс, поднял восстание против буржуазии и победил ее. Но уже три века назад еще совсем молодая буржуазия начала рыть себе могилу, собирая около своих варниц и железных рудников толпы забитых, униженных, недовольных холопов.

Обо всем этом и рассказывает Т. Богданович в своем романе, который в самой основе резко отличается от старых исторических романов. Там все страницы были заполнены романтическими описаниями старинной боярской одежды, пиров и военных походов. Захлебываясь, авторы рассказывали, как боярин пировал за дубовым столом, уставленным золотыми и серебряными кубками, ездил на соколиную охоту или отправлялся на войну в булатных доспехах и с копьем в руке. Писатели словно старались показать, что встарину люди жили лучше, чем теперь. А ведь на самом деле было совсем не так.

Для того, чтобы написать свой роман, Т. Богданович изучила много исторических книг, старинных документов, деловых бумаг, и рассказывает она о Строгановых не для того, чтобы похвалить их жизнь. Да и нечего хвалить: даже самые богатые люди жили в те времена в темных, низких избах, ели тяжелую и невкусную пищу, верили во всякие небылицы, окружали себя разными пройдохами-юродивыми. Это были грубые и невежественные люди, и они не могли быть другими, потому что весь склад их характеров зависел от их хозяйства.

Т. Богданович показывает, как под влиянием изменения торговли стали изменяться и люди. Этого в старых исторических романах мы не найдем. Книга Т. Богданович отличается от них тем, что рассказывает не о соколиной охоте, а о хозяйстве, о торговле XVII века. Это первый опыт дать роман из истории экономики, по-марксистски изучить исторических героев. Вот поэтому-то роман «Соль Вычегодская» и заслуживает особого внимания читателя.

Н. Константинов.

ВСАДНИК

Тихо над Сылвой рекой, безлюдье. Берег крутой, и лес подступил вплоть к обрыву. Дорога выбегает из лесу и лепится к самому краю. Во впадинах еще снег не стоял, а тепло, на солнце парит, — весна. Вдруг что-то зашумело, затрещало, издали топот — ближе, ближе. На опушку выскочил всадник, без шапки, поводья болтаются, одна нога из стремени выбилась, обеими руками в гриву вцепился. Конь сразу чуть под обрыв не сорвался, заскользил, на всем скаку повернул направо, помчался берегом и скрылся за уступом.

А следом за ним из лесу высыпала целая толпа верховых. В кафтанах, в тулупах, в войлочных шапках.

— Прытче гони! Э-эх, беда.

— Обрыв-то!

— Ох, сорвался!

— Гони...

Поворотили, завернули за уступ и сразу передние понятились.

— О-ох, господи Сусе!

— Чего там?

— Убился, знать.

— А все ты.

— Как не я! Вишь ездок!

И всадник и лошадь лежали на дороге. Лошадь билась, пыталась вскочить, а всадник раскинул руки и не шевелился. Красный атласный рукав плавал в луже. Одну ногу прижала лошадь.

Верховые спешились.

— Тфу, баба! — крикнул один в меховой шапке с черной бородой. — Коня не сдержал! Сдох, видно.

— Чего ругаешься, Афонька, — сказал другой, белобрысый парень. — Беда-то какая. Да може и не помер... С чего б помереть-то? — прибавил он, подходя ближе. — Кровь, мотри, не течет.

— Дурень ты, Мелеха, — перебил черный Афонька. — Вишь камень. Сунулся, знать, смаху. Кабы кровь текла, може и не помер бы. Кровь ему внутри ударила. Все едино — дурашный, — где ему промыслом ведать. Пуцай подышает... Чего глаза выпучили! — крикнул он другим. — На Пермь, ведомо, не ехать. Взад ворочаться. Подымай коня-то, а там его. Я на конь сяду, а вы мне его через седло перекиньте.

— Не, Афонька, не гоже так, — сказал Мелеха, — не падаль какая. Чай хозяйский брат. Веток бы наломать да плетенку сплесть.

— И так сволокем, чего там! — крикнул Афонька. — Сдох, так какой хозяин, — падаль и есть. Ну да ладно. Живей лишь. Не до ночи тут путаться. Езжай вперед, Мелеха, упреди хозяина.

— Боязно мне, Афонька, — сказал Мелеха. — Убьет хозяин. Да и Максим Максимыча покинуть жаль будто.

— Вишь жалостливый! Помер, так чего жалеть... Ну, да чего тут! — крикнул он. — Безот-